

КАФЕДРА ВОСТОКОВЕДА

ВОСТОК, МАРКСИЗМ И МАРГИНАЛИЗМ: ЗАМЕТКИ ПОСТОРОННЕГО

© 2018

А. О. ЗАХАРОВ

Институт востоковедения РАН

– Бородку-то я сбрею, а вот идейки, идейки куда девать?

Из старого анекдота.

DOI: 10.7868/S0869190818010016

THE ORIENT, MARXISM, AND MARGINALISM: A STRANGER'S NOTES

ANTON O. ZAKHAROV

Institute of Oriental Studies, Moscow

The bicentenary anniversary of Karl Marx (1818–1883), the famous philosopher and economist, gives a chance to re-examine his theory. Despite current intellectual Western and Russian mainstream denying the value of Marxism, China makes use of Marx's legacy and achieves major economic advantages. Marxism as a theory of history and society, i.e. as historical materialism, obviously helps better understanding of current world trends. Current and most advanced technologies make people much more consumers of goods, than their producers. Automation and robotization force humans out of immediate production. The humans, therefore, lack their own nature as producers, or Homo faber, and turn marginal. Artificial intelligence seems much stronger than natural intelligence. Control over artificial intelligence seems highly unlikely. The marginal nature of the majority of the humans intensifies the searches for identity and clashes of various identities. Struggle for resources and polarisation of main international actors causes the dawn of the new global war. Marginalisation of the humankind signifies the transition to the new socio-economic formation, or marginalism.

Religious and/or ethnic conflicts in Asia and Africa are caused by economic factor that is struggle for limited resources in certain places and times. Asian and African societies have their class structures. The ruling class in many of these countries is bureaucracy. The ruled is the class of citizens. These classes share the consumer nature and marginality but in a various degree. Bureaucracy is a non-producing class by definition. It is a totally, essentially consuming class. Its members may be marginal but not all of them. On the contrary, citizens include producers, not only consumers. But in general this class tends to form marginal. Its members-producers form a minority in the age of robotics and automation. Citizens-consumers tend to lack their internally human essence as producers and creators.

Захаров Антон Олегович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор Московского городского психолого-педагогического университета; заместитель главного редактора журнала “Восток (Oriens)”; zakharov_anton@mail.ru.

Anton O. Zakharov – Doctor of Sciences (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; Professor, Moscow State University of Psychology and Education; Editor-in-Chief Deputy, journal “Vostok (Oriens)”; zakharov_anton@mail.ru.

Приношу глубокую благодарность всем коллегам, прочитавшим рукопись и высказавшим критические замечания: А. В. Акимову, Л. Б. Алаеву, В. М. Алпатову, Н. И. Бирюкову и анонимному Составителю сайта “Библиотека материализма” (<http://library-of-materialist.ru/>). – А. 3.

Keywords: automation, robotization, marginal, marginalisation, social classes, global war, alienation.

Ключевые слова: автоматизация, роботизация, маргиналы, маргинализация, общественные классы, глобальная война, отчуждение.

В этом году отмечается двухсотлетие Карла Маркса (05.05.1818—14.03.1883), одного из самых влиятельных философов за всю историю человечества. Современный переход на стадию постиндустриального общества характеризуется постархаическими практиками и нарастанием конфликтности едва ли не во всех уголках планеты. Появилась новая виртуальная, или цифровая, реальность Интернета с его трансграничностью и кибервызовами. Это заставляет задуматься о том, так ли уж актуален нынче провозглашенный после крушения СССР устаревшим и никому не нужным диалектический и исторический материализм трирско-лондонского бунтаря.

Рассуждения, именуемые дискурсами, множатся, (нео)традиции возрождаются, культуры не то размываются в плавильном котле глобализации, не то закостеневают в наиболее архаичных формах, конфликты обсуждаются, политики регулируются, международные отношения в замешательстве: то ли наступила новая эпоха, то ли возродилась “холодная война”, то ли Realpolitik “долгого девятнадцатого века”. Самосознание людей, и без того шаткое, размылось до судорожного цепляния за “исконные” идентичности религии, народа, расы, культуры... Одни теоретики, как американский неolibерал Ф. Фукуяма и российский почвенник А. Г. Дугин, объявили о непрерывно длящемся начале постистории, постфилософии, фактически о постмире [Fukuyama, 1992; Дугин, 2009]. Другие, следуя Алену Кирби, заявили о смерти постмодерна [Kirby, 2006].

Эпистемологический хаос, царящий в гуманитарном знании, превратился в рай для любых утонченных умствований и спекуляций. Отсутствие единой теории — непременно го условия “нормальной науки”, пользуясь термином Томаса Куна [Kuhn, 1962], — стало считаться чуть ли не признаком хорошего тона. Гуманитарии, в том числе востоковеды, разбрелись по уголкам своих специализаций. Тезис о том, что все общества развиваются по-разному, сторонники неоэволюционизма довели до абсурда утверждением, что вообще не существует единой, т.е. общей, линии эволюции. Абсурдность этого тезиса доказывается как практикой — главным критерием истины в историческом материализме: ведь пользуются даже самые отсталые культуры достижениями современной техники, например сотовыми телефонами, — так и логикой: если нет единой линии эволюции, то относительно чего можно вообще мыслить линию, т.е. последовательность точек, не обязательно прямую? Эволюция превращается в набор ничем не связанных между собой точек.

Востоковедение не осталось в стороне от вызовов времени. Сравнительно недавно в российских официальных кругах и в востоковедных образовательных и академических структурах всерьез обсуждался вопрос о сохранении подобной дисциплины в числе официально признаваемых и существующих в России. Это тем более любопытно, что практически одновременно ученые мужи — историки признали на заседании соответствующего Экспертного совета ВАК РФ научной дисциплиной теологию — богословие. Словно ни один из них не читал обязательный в Советском Союзе “Анти-Дюринг” Фридриха Энгельса и словно не было в истории беспокойного старика Иммануила, давно уже, казалось бы, поставившего точку в бессмысленных, т.е. не имеющих научного смысла, “доказательствах бытия божьего”.

Конечно, для исключения востоковедения из числа официально признаваемых наук было формальное основание — неопределенность предмета изучения. Но неопределенность базового математического понятия “множество” или квантовая неопределенность не мешают математике и физике быть науками. Востоковедение могло бы сослаться на эту аналогию, но гораздо важнее другое: Восток существует постольку, поскольку при

помощи отнесения себя и/или собеседника, ситуации и/или процесса к “Востоку” происходит определенное структурирование действительности в мышлении людей. Это структурирование оказывает воздействие на принятие решений и идентификацию участников многообразных процессов, т.е. термин “Восток” описывает действительные отношения “в” и “по поводу” стран Азии и Африки.

Казалось бы, какое отношение к современности имеет Маркс? Родившийся в страшно далеком от нас 1818 г. мыслитель оставил далеко не лестные отзывы и характеристики Востока. В его трудах “азиатский способ производства” означал первобытное состояние общества, что не подходило для характеристики как глубоко классовых современных Марксу Китая, Индии, Персии времен Каджаров или Османской империи, так и царств Древнего Востока (хотя бы известных из Библии). Заимствованная Марксом из трудов британских историков “индийская община” оказалась вымыслом, а “азиатский деспотизм” — притчей во языцех среди исследователей древних и средневековых государств Азии, ибо это понятие решительно игнорирует, с одной стороны, особенности политического строя разных стран Востока, а с другой — оставляет без ответа вопрос о принципиальном различии деспотизмов “азиатского” и “европейского”, “американского” или “африканского”. В ходе “перестройки” почти все советские ученые отказались от классовой теории, а понятия “базис” и “надстройка”, “производительные силы” и “производственные отношения”, “общественно-экономическая формация” исчезли из научных публикаций, встречаясь разве что в критических изложениях трудов и достижений советской историографии.

Но, по-видимому, желание “сбросить Маркса с корабля современности” обернулось “выплескиванием с водой и ребенка”. Ибо взامن исторического материализма пришла многофакторность, которая, конечно, позволяет (и должна позволять) объяснять детали, но которая никак не помогает понять суть глобальных процессов и всей мировой истории. Борьба постмодернизма с иерархиями привела даже к тому, что многофакторность стала трактоваться в виде равноправия самых разных факторов: не потому ли многие эксперты всерьез рассуждают о “религиозных причинах” конфликтов, что напрочь игнорируют подлинные экономические интересы стоящих за конфликтами социальных групп?

Иными словами, настала пора вернуться к марксизму. Конечно, не как к догматическому учению, согласно которому существовало пять, не больше и не меньше, общественно-экономических формаций. А как к нормальной теории общественного развития, теории, признающей объективный, закономерный и последовательный характер исторического процесса — неважно где, в Китае, России, Германии или Буркина-Фасо. И неважно, признают ли участники процесса свою принадлежность к тому или иному объективно существующему классу: ведь заявление преступника о том, что он невиновен, т.е. относится к классу “невиновных”, не считается аргументом в пользу его оправдания. Применительно к анализу общества это означает, что люди могут не осознавать и даже сопротивляться их отнесению к тому или иному классу, но их мнение о собственной классовой принадлежности нужно принимать лишь во внимание, а не за чистую монету. Errare humanum est.

Существуют ли классы на Востоке? Вопрос этот в действительности праздный, ибо ответ на него — только утвердительный. Ведь классы суть большие группы людей, различающихся по их месту (положению) в системе общественного производства. Неужели при современном разделении труда (в действительности — уже после неолитической революции) можно считать, что люди не различаются по положению в системе общественного производства? Неужели топ-менеджеры компаний и почтовые служащие, высшие чиновники и традиционные рыболовы, нефтедобытчики и повара маленьких вьетнамских рестораников — все они занимают одинаковое место в системе производства как этих стран, так и в системе мирового разделения труда?

Конечно, представление о том, что в капиталистическом обществе два основных антагонистических класса — буржуазия и пролетариат, изначально плохо подходило

к Востоку, даже тому, что подвергся ускоренной модернизации. И в Англии первой половины XIX в. еще существовали лендлорды, что тут говорить о Японии и тем более о тех странах, которые оказались в колониальной или полуколониальной зависимости. Но, и тут кроется главная проблема, правящий класс большинства восточных обществ — отнюдь не буржуазия. Правящий класс — это чиновничество. Или бюрократия. И противостоят этому классу, опять же — фундаментально, в системе общественного производства, отнюдь не только и не всегда пролетарии. На протяжении большей части истории бюрократии противостояло крестьянство. А затем — увы, граждане. Я не имею иного термина, чтобы выразить это различие, однако свойственное англоязычной традиции противопоставление правительства (government) и гражданского общества (civil society) четко показывает фундаментальный характер их противостояния. Баланс между правительством и гражданским обществом именуется “состоянием” (the state), что по-русски обычно переводится словом “государство”, которое, напротив, явно выражает идею “владений государя” и более отвечает английскому *kingdom* или французскому *royaume*.

С политэкономической точки зрения именно граждане своим трудом создают основные товары, необходимые для удовлетворения потребностей людей. Современное производство, правда, достигло такой степени автоматизации, что многие сельскохозяйственные, не говоря уже о промышленных, товары производятся механически, при помощи роботов или автоматов. Чего стоит, к примеру, точечное орошение полей в Израиле. Тем самым доля людей, занятых непосредственным производством, понизилась до ничтожно малого уровня относительно всего общества. Это означает, что остальные, а их большинство, члены общества по своей сути оказываются, как это ни прискорбно звучит, в первую очередь потребителями уже произведенной продукции. В свою очередь, потребительский характер большинства членов общества на деле сближает его с правящим классом чиновников. Ведь и бюрократия является непроизводительным, потребительским классом. Поэтому легко объяснимо стремление многих людей войти в ряды бюрократии: между большинством граждан и чиновниками ныне нет той фундаментальной антагонистической грани, которая существовала между классическими пролетариатом и буржуазией, между “трудом и капиталом” времен Первой русской революции.

Можно ли найти примеры классов в современных странах Азии и Африки? Думаю, что да. К примеру, КНДР явно представляет собой государство, в котором безраздельно господствует чиновничество. Именно чиновничество этой страны заинтересовано в сохранении своей власти, ради чего и финансируется северокорейский ядерный проект. Ведь в случае объединения КНДР и Южной Кореи шансов сохранить монопольное положение не будет.

Пример КНР еще более показателен. КНР — одна из самых устойчивых бюрократических держав мира. Многообразие языков в Китае, множество населяющих его народов могли бы стать предпосылкой крушения государства, если бы не китайская партийно-государственная номенклатура. Программа “трех представительств” Цзян Цзэминя, провозглашенная в 2000-м и принятая на XVI съезде КПК в 2002 г., открыла путь в партию “интеллигентам”, в том числе предпринимателям, или буржуазии КНР. Иначе говоря, видно давление нового для маоистского времени класса на традиционное чиновничество. А нынешняя, явно более авторитарная манера поведения Си Цзиньпина скорее всего обусловлена обострением схватки внутри КПК между усиливающимся буржуазно-бюрократическим крылом и сохраняющим свое влияние, но испытывающим давление традиционно-бюрократическим направлением. Их борьба, по-видимому, позволяет генеральному секретарю “встать над схваткой”, занять позицию “третьей стороны”.

В Индонезии правящий класс состоит из армейской и гражданской бюрократии, а также из верхушки мусульманских общин и из землевладельцев и промышленников (назовем их для удобства буржуазией). Борьба за демократизацию после свержения Сухарто позволила провести ряд демократических преобразований, но на их фоне в стране усилились фундаменталистские течения ислама (характерен пример провинции Аче),

борящиеся за собственные власть и влияние. Армия, как отмечает А. Ю. Другов, может вмешаться в ход событий, чтобы не допустить как дальнейшей демократизации и осуждения армейских корней режима Сухарто, так и тотальной исламизации и раскола страны (или того, что армейское руководство сочтет угрозой такого раскола) [Другов, 2016].

Наибольшее сопротивление классовый подход, на первый взгляд, встречает на материалах Республики Индии. Ведь не секрет, что на протяжении полутора столетий востоковеды воспитывались с убеждением, что Индия отличается особым кастовым строем. Как прикажете соотнести отдельные касты с классовой структурой? Для ответа на этот вопрос необходимо уяснить, что чисто схоластическое разнесение каст в таблички по принципу “джаты=феодалы/буржуа”, “неприкасаемые=низы сельского пролетариата” может встретить сопротивление материала. Необходим чисто экономический подход к делу. Иными словами, достаточно констатировать, что есть правящий слой, в котором могут быть представлены и землевладельцы, и промышленники, и ювелиры, и брахманы, и чиновники... Индия представляет собой мозаику разных групп, которые находятся в непрерывной борьбе за улучшение своего статуса (пусть ритуального, что на практике будет означать “любого”) и, в случае правящих групп, за сохранение и упрочение своего положения. Индийская демократия в действительности означает именно постоянное столкновение совершенно противоположных интересов, которые отнюдь не всегда улаживаются бескровно или полюбовно. В Индии демократия, т.е. система процедур, обеспечивающих власть большинства над меньшинством, вообще вряд ли возможна, так как в Индии большинства как такового нет: есть меньшинства (касты) и стоящее над ними индийское чиновничество (тоже меньшинство в численном отношении).

Несколько слов по поводу значимости экономического фактора. Абсолютизировать экономику не собирался уже Фридрих Энгельс. И “обратное влияние политической надстройки на экономический базис”, несомненно, есть, более того — оно может определять очень многое в конкретном ходе событий. Однако никакие различия в политических и религиозных структурах, никакие различия в культурах не могут изменить важнейшего факта — фундаментальной зависимости человечества в целом и отдельных сообществ от уровня технологического развития. Столь архаическая структура, какой является ИГИЛ, использует Интернет-ролики и обращения; через Интернет (но не только через него) осуществляется вербовка сторонников этой террористической организации. На страницах журнала “Восток” экономисты обсуждают потенциальные следствия автоматизации производства. Автоматизация производства и внедрение бытовых роботов неизбежно сделают миллионы, если не миллиарды, людей “лишними” — в том смысле, что их трудовая деятельность не нужна для сохранения системы современной экономики и современного общества.

Когда-то данный процесс принял форму раскрестьянивания деревни. Люди массами переселялись в города, шли урбанизация и индустриализация. Эти процессы происходили в разных странах, от Англии до Индонезии и Малайзии, а во многих странах Африки и в ряде азиатских государств они идут и сегодня. Но теперь мы имеем дело с тотальной маргинализацией человека, превращением пограничного, неустойчивого положения индивида в системе общественного производства в норму. Пользуясь терминологией Маркса, человек отчуждается ныне от воспроизводства самого человека.

Современные конфликты, как окрашенные в религиозные тона, так и подаваемые в виде этнических столкновений, все вызваны борьбой за ресурсы, за контроль над ресурсами, за контроль над территориями и их населением. После распада социалистической системы мир капитализма (“свободный мир”) захватил все территории Земли. Но капитализм как способ производства, как система общественного производства нуждается в неуклонном росте прибыли. Планета Земля как объект приложения усилий капитала — ограничена. Ресурсы в абсолютном большинстве своем уже поделены и ограничены (вспомним Аурелио Печчеи, “Римский клуб” и доклад директора Института физики М. В. Курчатова Совету Федерации РФ 30 сентября 2015 г.). Следовательно, надо ожидать

схватки за их передел. И эти схватки уже начались. Конфликт вокруг Южно-Китайского моря, противостояние Саудовской Аравии и Катара за влияние на Ближнем Востоке, борьба Китая за Центральную Азию и за Африку, становление Курдистана на территориях Ирака и потенциально — Турции, соперничество Ирана и Турции, отношения Индии и Китая, Пакистана и Индии, споры по поводу трансграничных рек — краткий перечень современного постимпериализма.

Нужно ли говорить о том, что неизбежным следствием империалистических конфликтов становится глобальная война? Война идей и институтов, государств и правительств. Информационная война идет постоянно. Локальные войны сегодня — лишь одни из площадок мирового столкновения. Положение довольно сложное: в мире заметна поляризация — с одной стороны, НАТО, с другой — Россия и КНР.

Но есть и еще одна сторона — современные средства производства материальных благ: автоматы и роботы, сверхмощные компьютерные технологии. Этим средствам производства (которые фактически стали и производителями) объективно должны соответствовать как производственные отношения, так и политическая, правовая, религиозная, философская и художественная общественные системы (в терминах Маркса — надстройка). А достигается сие, как отмечал первый классик марксизма, в ходе социальной революции [Маркс, т. 13, 1859].

Констатируемое сегодня экономистами становление новой экономической модели, с ее маргинализацией человека и преобладанием роботов и автоматов, неизбежно ведет к усилению борьбы за контроль над этой новой техникой, за контроль над искусственным интеллектом. Но, как свидетельствует практика, компьютеры сильнее людей: число операций в секунду, выполняемых даже самыми простыми современными портативными компьютерами-планшетами, многократно превосходит способности любого нынешнего Цезаря. Чемпионы мира по шахматам ныне в лучшем случае сводят партию против суперкомпьютера вничью. Напрашивается вывод, что искусственный интеллект будет сильнее интеллекта природного. Поскольку если открытие может быть сделано, то оно будет сделано непременно, постольку можно быть уверенным в создании искусственного интеллекта в ближайшем будущем. А слабость природного интеллекта делает шансы на установление его контроля над интеллектом искусственным минимальными.

Все это позволяет предположить, что мир стоит на пороге новой революции — расчеловечивания общества. “Волю к власти” превозносил еще Ницше. Французские философы-постмодернисты воспели звериное, архаичное начало в человеке, обесценив статус разума. Современный всплеск архаики, скажем, в форме ИГИЛ, — луддитское осознание ненужности, маргинальности целых сообществ и культур нынешней технократической глобальной экономике.

В разных уголках современного Востока традиционализм и фундаментализм сегодня пользуются особым уважением и поддержкой. Скажем, в Малайзии религиозные суды фактически неподвластны как Верховному, так и Федеральному судам. В Индонезии по-прежнему вне закона остаются атеизм и марксизм, а конституция предписывает всем гражданам верить “в единого Бога”. В Мьянме процветает буддийский национализм. Религия оказывается инструментом борьбы за укрепление власти, за электорат, инструментом формирования массового сознания. То есть — материальной силой (“теория, овладевшая массами”). “Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял” [Маркс, т. 1, 1843, с. 414], т.е. маргинала.

Бесконечные поиски идентичности, т.е. самосознания, свидетельствуют о том же процессе — нарастающей маргинализации огромных людских масс. Люди массово ищут (а услужливые политологи и властолюбцы светского и духовного званий радостно подсовывают им) самоопределение. Это — результат радикально, революционно изменившихся средств производства в мировом масштабе. Во всем мире, за исключением отсталых районов (называю их так намеренно: термин “развивающиеся страны” на фоне “развитых” выглядит просто вежливой формой и не выражает суть дела), уровень образованности

и, следовательно, знакомства с информацией вырос настолько, что проблема самоопределения коснулась большей части населения планеты. Проникновение Интернета с его калейдоскопом картинок различного содержания, от роскошной жизни до сцен животного насилия и вымышленных миров, в повседневную жизнь только увеличит осознание собственной отсталости и ненужности. Смысл жизни, который так долго искали большевики и их антагонисты, утрачен планетарно. А сомневаться в дальнейшем распространении Интернет-технологий вряд ли разумно.

В этих условиях столкновение разных идентичностей будет только нарастать. Оно находится в русле общемировой глобальной информационной войны и маргинализации людей. Переход к новой формации, с господством искусственного интеллекта и робототехники, с радикальным изменением статуса привычного человека *Homo sapiens sapiens* уже не призрак, бродящий по мирозданию. Это реальность “Матрицы” и заря иного времени. Маргинализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Другов А.Ю. Индонезийская демократия: экзамен на зрелость // *Восток (Oriens)*. 2016. № 3. С. 116–126 [Drugov, Alexey Yu. “Indonesian democracy: test for maturity”, in: *Vostok (Oriens)*. 2016. No. 3, pp. 116–126].

Дугин А.Г. *Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли*. Москва: Евразийское движение, 2009. <http://www.platonizm.ru/content/dugin-postfilosofiya> [Dugin, Aleksandr. *Postfilosofia. Tri padadigmy v istorii mysli* (Post-Philosophy: Three Paradigms in the History of Ideas) (in Russian). Moscow: Evraziiskoe dvizhenie, 2009].

Маркс К. К критике Гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 1 [Marx, Karl, *Contribution to a Critique of Hegel's Philosophy of Right*, Introduction, 1843].

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 13 [Marx, Karl, *Contribution to a Critique of Political Economy*, 1859].

Fukuyama, Francis. The End of History // *The National Interest*. 16. 1989. Pp. 3–18; <https://ps321.community.uaf.edu/files/2012/10/Fukuyama-End-of-history-article.pdf>.

Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992. XXIII, 418 pp.

Kirby, Alan. The Death of Postmodernism and Beyond // *Philosophy Now*, no. 58. 2006. https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond.

Kuhn, Thomas S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 264 pp. https://projektintegracija.pravo.hr/_download/repository/Kuhn_Structure_of_Scientific_Revolutions.pdf.